

Наступила ночь. В доме Тао закончили праздничный ужин.

В главной зале плыл густой запах благовоний. Тао Цинъюй присел на порог, обхватив колени руками и прислонившись плечом к дверному косяку. Младшие дети, недолго думая, пристроились рядом, подражая старшему брату.

— Старший брат... — Цинъюй ласково прижался к нему.

Его круглые глаза поблескивали, точно спелый виноград, а пухлые щечки выглядели очень мило. Цинъюй обнял малыша и шутливо уткнулся носом в его макушку, вдыхая родной молочный аромат.

— Ну что, Цинъюй, когда спать пойдёшь?

Малыш хихикнул, прячась в объятиях брата:

— Папочка сказал, сегодня нужно бодрствовать всю ночь — встречать Новый год.

Цинъюй усадил его к себе на колени:

— И ты выдержишь?

— Выдержу! — гордо заявил тот.

Не успели они просидеть и четверти часа, как зимний ветер заставил их зябко поежиться. Юноша уже собирался подняться, чтобы увести детей в тепло, как вдруг небо с грохотом озарилось ярким светом.

— Фейерверк!

— Как красиво! — дети на пороге разом выпрямились.

Чернильная тьма ночи расцвела: огни с шипением устремлялись ввысь, рассыпаясь ослепительными искрами с длинными вьющимися хвостами. Цинъюй, глядя на отражение этих вспышек в сияющих глазах малышек, снова уселся поудобнее, прижимая их к себе. Он положил подбородок на пушистую голову Цинъюя и тоже засмотрелся на небо, едва заметно улыбаясь.

— Старший брат, с Новым годом!

Юноша вздрогнул. Малыш перед ним сложил ладошки лодочкой, ожидая подарка. Двое других тоже немедленно протянули руки.

— Ох, совсем из головы вылетело, — рассмеялся он.

Цинъя обиженно надул губы и начал было опускать руки. Цинъюй легонько встряхнул его ладошку:

— Разве я вас когда-нибудь обделял? Ждите здесь.

Он оставил детей на пороге и зашёл в дом. Красные конверты были приготовлены заранее — по одному для каждого из младших. Стоило ему вручить подарки, как дети расплылись в счастливых улыбках, наперебой выкрикивая поздравления и добрые пожелания.

Снаружи грохотали петарды, внутри дома звенел детский смех. Взрослые собрались в зале для праздничного бдения, а Фан У ушёл к Тао Далану, чтобы поговорить с ним в эту важную ночь. Свеча на кухне, оберегающая домашний уют, горела до самого рассвета.

Треск праздничных хлопушек постепенно стих, уступая место предутренней тишине. Старый год ушёл, унося с собой печали.

***

В первый день нового года взрослых одолели заботы, и детей выпроваживали гулять. Дома остались только Фан У и Сун Хуань. Цинъюй зашёл за Цинь Чжу, и вместе они отправились в деревню Сяомяо.

Деревня Сяомяо находилась по соседству с деревней Баопин. Своё название она получила в честь храма Бодхисаттвы, и каждый год в праздники сюда стекался народ со всей округи, чтобы возжечь благовония и попросить о милости небес. Чтобы попасть в Сяомяо, нужно было лишь перевалить через невысокий холм, за которым раскинулись жилые дворы.

Сегодня паломников было особенно много. Вдоль дороги теснились лавки с восковыми свечами и бумажными деньгами, расхаживали разносчики со сладостями и горячим питьём.

Цинъюй и Цинь Чжу купили благовония и направились к храму, стоявшему на склоне холма. Тропа была узкой, и встречные то и дело задевали друг друга плечами. Не успели они пройти и половины пути, как шедший впереди плечистый детина с размаху налетел на старушку. Та охнула и начала заваливаться назад.

Цинъюй мгновенно среагировал: упёрся ногами в землю и подхватил женщину со спины, а Цинь Чжу придержал её за руку. К счастью, падения удалось избежать.

— Совсем глаз нет?! — возмутился Цинь Чжу, глядя вслед верзиле.

Но тот даже не обернулся, продолжая свой путь. Старушка, придя в себя, повернулась к спасителям:

— Благодарю вас.

Она мягко улыбнулась, хотя в её взгляде ещё читался испуг. Лицо женщины дышало добротой, а новая синяя ватная куртка и аккуратно уложенные волосы выдавали в ней особу почтенную. В ушах её покачивались серьги из зелёного нефрита в форме водяных орехов.

— Позвольте нам проводить вас, — предложил Циньюй.

Старушка посмотрела на него и с улыбкой кивнула:

— Вы тоже пришли просить Бодхисаттву о милости?

— Да, — коротко ответил юноша.

Он не был склонен к пустой болтовне, лишь осторожно поддерживал женщину под локоть, следя, чтобы она не оступилась на неровной тропе.

— Я каждый год здесь бываю, но что-то не припомню твоего лица, — заметила она.

Циньюй промолчал, но Цинь Чжу, натура бесхитростная, тут же отозвался:

— Так мы из соседней деревни, из Баопин.

Циньюй бросил на друга выразительный взгляд, но тот, точно дырявое решето, уже успел выложить всё о себе и своём доме. К счастью, они быстро добрались до храма.

— Наверху много народу, будьте осторожнее, — произнёс Циньюй, отпуская руку женщины.

Старушка ласково кивнула им и направилась к алтарю. Молодые люди, быстро исполнив обряд, поспешили спуститься вниз. На обратном пути Цинь Чжу, устав от ходьбы, повис на плече друга:

— Та старушка показалась мне знакомой. У неё такое доброе лицо.

Циньюй высвободился из-под его руки:

— Тебе все кажутся знакомыми.

— И то правда.

— Впредь не болтай лишнего первому встречному, — строго добавил Цинъюй. — В наше время мошенников пруд пруди.

— Знаю, знаю, ты уже сотню раз это говорил!

— Говорил-то говорил, да только ты ни разу не запомнил.

Цинь Чжу надулся и тихо хмыкнул:

— На этот раз точно запомню.

— Ну-ну.

— Тао Сяо Юй! Ты на что это намекаешь?! — Чжу-гээр топнул ногой, точно рассерженный кролик.

Цинъюй лишь покачал головой:

— Есть хочется.

— О! Тогда пойдём купим чего-нибудь! — Цинь Чжу мгновенно сменил гнев на милость и потащил друга к уличным лоткам. Покладистее его не было человека на свете.

Время близилось к полудню, пора было возвращаться. Пока они бродили среди лавок, с холма в сопровождении статного мужчины спустилась та самая старушка.

Она похлопала спутника по руке:

— Ну что, заметил?

— Нет.

— Эх ты! Тот гээр был до чего хорош собой, а главное — сердце у него золотое. Если он ещё не обручён, я велю разузнать о нём побольше...

— Бабушка, у меня уже есть тот, кто мне дорог, — с тихим вздохом ответил мужчина.

Старушка сердито высвободила руку:

— Ты каждый раз так говоришь! А где он? Я его в глаза не видела. Не думай, что я не чую твоих уловок!

***

Деревня Баопин.

Сегодня здесь было особенно шумно. Дети в новых одеждах стайками носились по улицам, и их весёлый смех был слышен ещё на подходе к деревне. Цинъюй сразу приметил своих младших в толпе ребятишек.

И дело было не только в их пригожих лицах. Среди нарядно одетых сверстников трое малышей Тао в своих старых, застиранных куртках казались серыми запыленными комочками, точно вывалявшиеся в грязи шарики танъюань.

Распрощавшись с Цинь Чжу, Цинъюй не стал звать детей домой — пусть поиграют. Но те, заметив его, сами бросились навстречу, вцепившись в его руки.

— Старший брат, ты вернулся!

— Что, уже наигрались? — юноша ласково коснулся пухлой щечки Цинъюя.

— Есть хотим, — Цинъюя прижался лицом к его ладони, ластясь. Из всех детей он был самым нежным и капризным.

Цинъюй подхватил его на руки, и в сопровождении двух «хвостиков» вошёл в дом. Отправив мелюзгу мыть руки, он заглянул на кухню к Ян Цюэ. Пользуясь тем, что детей нет рядом, он спросил:

— Младший дядя, почему они не в обновках?

— Так ты и сам в старом, — отозвался тот.

Цинъюй на миг замялся:

— Да мне этот алый цвет не по душе, непривычно как-то.

Фан У, заметив замешательство Ян Цюэ, пришёл ему на выручку:

— Когда с твоим отцом беда случилась, в доме такая кутерьма поднялась, что второй тётушке и младшему дяде не до шитья было. Денег не хватало, они даже думали продать ту новую ткань, что ты купил.

— Как же так можно... — Цинъюй укоризненно посмотрел на Ян Цюэ, и тот поспешил ретироваться из кухни.

— Они же о доме пеклись, не сердчай на них, — мягко добавил Фан У.

Юноша потер разгорячённое у печи лицо и вздохнул:

— Да я не сердчаю. Просто боюсь, как бы дети не расстроились. Другие-то все в новом, станут их попрекать...

Фан У улыбнулся:

— Не тревожься, обновки они ещё наденут. Сейчас они просто боятся, что ты их журить станешь, вот и торопятся дошить всё поскорее.

Первый день года пролетел незаметно. Время, точно быстроногий конь, устремилось вперёд, и вот уже близилось шестое число — день, когда Цинь Чжу должен был выйти замуж. Поскольку Чжу-гээр теперь был заперт дома, готовясь к свадьбе, Цинъюй стал заглядывать к нему всё чаще.

Третьего января.

Выйдя от Цинь, Цинъюй увидел у въезда в деревню двоих путников. Учитель Фан был облачён в просторный тёмно-алый халат с расшитым поясом. Волосы его были собраны в высокий узел под нефритовым венцом, и при каждом шаге полы его одежд взлетали, придавая ему величественный вид. Со стороны могло показаться, что это знатный господин из столицы по ошибке забрел в их глухомань.

Однако, заметив рядом с ним Чжоу Линьи и слуг с поклажей, Цинъюй догадался, что они направляются к семье Цинь.

— Хозяин Сяо Юй, — с улыбкой окликнул его Чжоу Линьи.

Цинъюй вежливо кивнул:

— Доброго дня. Не буду вам мешать, проходите.

Он мельком взглянул на Фан Вэньли, чуть склонил голову и отступил, давая дорогу. Услышав, как семейство Цинь с почестями встречает гостей, юноша помедлил, а потом решил обернуться и посмотреть.

В ту же секунду он почувствовал глухой удар и уткнулся лбом во что-то твёрдое. Фан Вэньли стоял перед ним. Мужчина осторожно коснулся пальцами лба юноши:

— Ушибся?

Циньюй отпрянул на добрый шаг, глядя на него с подозрением:

— А вы почему не заходите?

Фан Вэньли убрал руку:

— Он пришёл с цуйчжуаном, мне там делать нечего.

Цуйчжуан — предсвадебный обряд, когда семья жениха посылает невесте украшения, шелка и притирания. Циньюй слышал о таком обычае у городских богачей, но в их деревне подобного раньше не видели.

Раз это обычай, юноша успокоился. Но, заметив, что статный учитель продолжает стоять перед ним, он запоздало указал на себя пальцем:

— Вы ко мне?

Фан Вэньли опустил ресницы, и его взгляд окутал юношу мягким теплом.

— И да, и нет.

Он достал фарфоровый флакон и протянул его на ладони.

— Что это?

— Мазь от обморожения.

Циньюй невольно потер пальцы о грубую ткань куртки. И правда, на холоде они начали зудеть. Он прикусил губу и отвел взгляд:

— Я не могу это принять.

Фан Вэньли едва заметно улыбнулся:

— Это меньшее, что я могу сделать.

«Меньшее?»

Цинъюй почувствовал, как воздух вокруг застыл, точно в знойный летний полдень. Ноги словно прилипли к земле, и он не знал, куда деваться от этого странного чувства. К чему эти подарки? Почему этот человек ведёт себя так необычно?

Глядя на протянутую руку наставника, юноша натянуто улыбнулся:

— Не стоило тратиться, лучше...

— Это не траты. Я купил это именно для тебя.

В сердце Цинъюя точно ударили в гонг. Смущение мгновенно прихлынуло к лицу, и даже макушка, казалось, начала пылать.

«Да что с ним такое?!»

Покраснев до корней волос, юноша выхватил флакон и выпалил:

— У меня дома дела, я пойду!

Он сорвался с места, не дав собеседнику вставить ни слова. Фан Вэньли остался стоять, глядя вслед поспешно уходящему гээру, и тихо рассмеялся.

— Хорош собой, верно?

На плече учителя внезапно появилась голова Чжоу Линъи. Фан Вэньли тут же отступил в сторону:

— Держись от меня подальше.

— Ну и ладно! Тогда я никуда не пойду! — Чжоу Линъи сделал вид, что собирается уходить, но Фан Вэньли просто взял его за шиворот и потащил за собой. С виду наставник был человеком ученым и хрупким, но силы ему было не занимать.

***

Дом Тао.

Цинъюй только успел переступить порог и закрыть дверь, как раздался стук. Он нехотя вернулся и отпер калитку. Увидев двух знакомых, он замер на пороге.

— Юй-гээр, кто там пришёл? — донеслось из дома.

— Дядя, это я! — крикнул Чжоу Линъи, а затем обернулся к Цинъюю и весело подмигнул.

Тот молча отступил в сторону.

— Учитель Фан пришёл! — Фан У выбежал встречать гостей с сияющим лицом.

— Дядя, вы меня совсем не замечаете! — Чжоу Линъи шутливо оттолкнул Фан Вэньли.

— Как же не замечаю? Проходите скорее, садитесь. Юй-гээр, принеси скамьи!

Фан Вэньли не стал задерживаться в дверях.

— Не стоит беспокоиться, я лишь привёл лекаря Чжоу, чтобы он осмотрел дядю Далана.

Цинъюй замер со скамьей в руках, не сводя глаз с наставника. Фан У тоже разволновался, едва не опрокинув чайник.

— Это... это такая милость с вашей стороны!

— Не суетитесь, пусть он сначала осмотрит больного.

— Да-да! Сию минуту!

Когда дело касалось мужа, Фан У не медлил ни секунды. Дрожащими от волнения руками он поспешно повел Чжоу Линъи в восточную комнату.

В зале остались только Фан Вэньли и Цинъюй. Юноша поставил скамью перед гостем и налил ему чаю. Немного успокоившись, он сел напротив.

— Благодарю вас.

— Это меньшее из того, что я должен сделать.

Цинъюй бросил на него быстрый взгляд. «Должен? С чего бы это — и серебро отдать, и лекаря привести?» После этого короткого обмена фразами разговор зашёл в тупик.

Фан Вэньли смотрел на склонённую голову юноши и в душе горько усмехался. Такова была цена его поспешности. Если бы он только мог... Он расслабился, откинувшись на спинку скамьи, но взгляда от своего собеседника не отвёл. В этом мире нет лекарства от сожалений. Он был слишком жаден до этого гээра.

— Я не вижу твоего младшего дяди и второй тётушки... — как бы невзначай спросил он. Его взгляд был глубоким и собственническим.

Юноша невольно поёжился, чувствуя, как по коже пробежали мурашки, точно на него нацелился матёрый волк. Он посмотрел на Фан Вэньли, но тот выглядел на удивление кротким и доброжелательным. Не понимая, откуда взялось это гнетущее чувство, Цинъюй тряхнул головой.

— Они ушли проведать родню.

— Стало быть, в доме нынче непривычно тихо?

— В-верно...

Юноша мысленно выругался. С чего это он вдруг начал заикаться? Фан Вэньли, заметив его замешательство, лишь нашёл это забавным. Такой живой и смущённый, Цинъюй нравился ему куда больше, чем тот убитый горем человек, которого он видел недавно.

— Через несколько дней свадьба Чжоу Линъи.

Цинъюй кивнул, ожидая продолжения. Учитель чуть подался вперёд и мягко спросил:

— Позволишь мне сопровождать тебя?

Лицо молодого наставника вдруг оказалось совсем близко. Кожа его была чистой и гладкой, точно безупречный белоснежный нефрит. Глубокие глаза, прямой нос, тонкие губы, тронутые едва заметной улыбкой... От этого пристального взгляда у Цинъюя сердце пропустило удар.

«Настоящий лис-обольститель в человеческом обличе!»

Юноша в смятении отвёл глаза, чувствуя, как пересохло в горле. Фан Вэньли, заметив его

реакцию, довольно откинулся назад. Значит, вот какое оружие действует на этого гээра.

Циньюй с трудом вернул себе самообладание. Он вспомнил, что в семье Чжоу знает только Чжу-гээр, и на свадьбе ему пришлось бы сидеть в одиночестве за столом. Немного помедлив, он кивнул. Сопровождающий ему не помешает.

***

Вскоре из комнаты вышел Чжоу Линъи. Циньюй тут же вскочил:

— Как мой отец?

— Раны затянулись, — ответил лекарь, — но в голове всё ещё застой крови. Те снадобья закончились, я выпишу новые, нужно будет забрать их в уезде. И ещё... — он покосился на Фан Вэньли. — Отныне я буду приходить каждый месяц для иглоукалывания.

«Каждый месяц?»

Циньюй в изумлении посмотрел на папочку. Ведь раньше говорили, что надежды почти нет, а теперь — такое лечение? Фан У лишь едва заметно покачал головой.

Добившись своего, Фан Вэньли с нежеланием отвёл взгляд от юноши и поднялся, чтобы попрощаться. Фан У проводил гостей до калитки, а когда вернулся, сын тут же схватил его за руку.

— Папочка, почему лекарь будет приходить каждый месяц? Неужели отцу стало лучше?

Фан У ласково погладил руку сына:

— Это Учитель Фан за нас попросил. Он помогает нашей семье.

Снова он. Циньюй нахмурился, глядя за ограду.

— Папочка, я отлучусь ненадолго.

Он бросился вдогонку за Фан Вэньли.

— О! Хозяин Сяо Юй нас догоняет! — Чжоу Линъи легонько толкнул друга плечом.

— Вижу.

— Видит он! Хватит уже важничать! — Чжоу Линъи весело напевал себе под нос, радуясь за друга. — Спрячь ты эту улыбку, до чего же ты сейчас на влюбленного дурака похож.

Учитель бросил на него холодный взгляд:

— Не твоё дело.

— Ах ты, неблагодарный! Я тебе помогаю, а ты со мной так?!

— Я заплатил.

Фан Вэньли всё внимание сосредоточил на преследователе. Заметив, что юноша ещё далеко, он незаметно замедлил шаг. Чжоу Линъи, вспомнив о новеньких украшениях, купленных для Цинь Чжу на те самые деньги, тут же сменил гнев на милость.

Вскоре они добрались до края деревни. Чжоу Линъи первым запрыгнул в экипаж, на прощание многозначительно подмигнув другу. Фан Вэньли остановился и повернулся к подошедшему Цинъюю.

— Юй-гээр хочет поехать в уезд?

Юноша перевёл дух и, глядя на отъезжающий экипаж, произнёс:

— Я пришёл сказать... то, что я обещал вам тогда — будьте покойны, я не нарушу своего слова.

Тепло в душе Фан Вэньли мгновенно сменилось холодом. А Цинъюй продолжал:

— Как только отпразднуем свадьбу Чжу-гээр, выберем время и всё обсудим. Я исполню всё, что от меня потребуется. И... ещё раз благодарю вас за помощь.

Выложив всё на одном дыхании, юноша замер, ожидая ответа. Учитель сухо усмехнулся:

— Хозяин Сяо Юй верен своей купеческой хватке. Обо всём позаботился.

Слова прозвучали странно, но Цинъюй считал, что в делах превыше всего честность. В их сделке «деньги в обмен на человека» всё должно быть предельно ясно. Когда всё было оговорено, ему стало легче.

— Стало быть, договорились? — с вежливой улыбкой спросил он, сложив руки в приветственном жесте.

Фан Вэньли невольно сжал пальцы. Ему отчаянно хотелось коснуться покрасневших век юноши. Ему не нравилась эта холодная, деловая улыбка. Куда приятнее было бы видеть Цинъюя со слезами на глазах...

«Пусть так. Лишь бы он переступил порог моего дома, а остальному я его сам научу»

Взгляд наставника потемнел. Но, глядя в ясные глаза юноши, он смог лишь кивнуть:

— Договорились.

Цинъюй, вновь обретя свою обычную деловитость, бодро воскликнул:

— Тогда доброго пути вам, Учитель Фан!

Фан Вэньли лишь внутренне содрогнулся. Первым делом нужно будет сменить это обращение. Покончив с делом, Цинъюй с лёгким сердцем поспешил домой, оставив хмурого мужчину в одиночестве на дороге.

Дома Фан У, завидев сияющее лицо сына, решил, что тот прекрасно ладит с Фан Вэньли, и окончательно утвердился в своём выборе. Он уже всё обдумал: как только в доме станет чуть полегче, нужно будет заняться сватовством. Из того, что им удалось разузнать, выходило, что жених — человек достойный и в уезде уважаемый. С таким делом медлить нельзя, а если ждать, пока муж очнётся — юноша так и состарится.

***

Шестое января.

Вся деревня Баопин знала о празднике в доме старосты. Родня и соседи, управившись с делами, потянулись с подарками к его порогу. Хотя час был ещё ранний, двор Цинь Чжуана уже был забит народом.

Цинъюй помогал Цинь Чжу с нарядом. Глядя на счастливую, чуть глуповатую улыбку друга, он и сам невольно улыбался. Утреннее солнце заливало землю расплавленным золотом. От въезда в деревню донесся праздничный грохот гонгов и барабанов. Жених на статном коне, сияя от гордости, приветствовал односельчан. Вслед за ним у ворот Цинь замер нарядный паланкин, украшенный алыми и зелёными шелками. Жених спешил. Стоило ему раздать свадебные монеты, как двор огласился радостными криками.

Цинъюй с тихой улыбкой стоял у дверей. Он видел, как Чжоу Линъи вынес Цинь Чжу из дома на спине и бережно усадил в паланкин. В памяти юноши вдруг всплыли два маленьких силуэта, играющих на деревенских улицах. С малых лет и до сего дня они были неразлучны. И вот, Чжугээр обретает свою семью.

Солнце поднялось высоко, заливая всё вокруг ослепительным светом. Свадебный поезд под звуки весёлой музыки начал медленно удаляться. Барабанный бой не смолкал, ребятня с криками бежала за паланкином. Цинъюй стоял на месте, провожая взглядом ровно покачивающийся паланкин. Губы его тронула улыбка, и, глядя на алую ленту процессии, в глубине души он молил об одном.

«Пусть жизнь Цинь Чжу будет мирной и счастливой»

***

Вспомнив о приглашении семьи Чжоу, Цинъюй неспешно направился к перекрестку.

— Возвращайся засветло, — наказал ему Фан У. Он знал о приглашении. Свадебный обряд должен был состояться вечером, и папочка беспокоился, не опасно ли сыну возвращаться в потемках. Но, заметив у дороги статного мужчину, он заметно успокоился.

Стало быть, они уговорились заранее. С ласковой улыбкой он помахал сыну рукой:

— Ступай.

У поворота, рядом с экипажем, стоял Фан Вэньли. Несмотря на яркое солнце, ветер был пронзительным, но учитель в своём легком халате казался существом из иного мира.

— Учитель Фан сегодня выглядит весьма величественно, — не удержался от шпильки Цинъюй.

Фан Вэньли лишь едва заметно улыбнулся, пропуская мимо ушей подначку. Он откинул полог экипажа:

— Мне не холодно.

Юноша легко запрыгнул внутри, Фан Вэньли вошёл следом и сел напротив. Цинъюй удивленно вскинул брови:

— Вы не на козлах?

— В деревне за тобой многие следят, мне нужно должным образом заботиться о себе, — ответил тот.

Цинъюй не стал вникать в смысл этих слов, но после фразы в карете воцарилась неловкая тишина. На перекладине под потолком покачивался фонарь в бронзовом корпусе с искусно выгравированными цветами и птицами. Свеча в нем не горела, и Цинъюй уставился на него,

лишь бы не встречаться взглядом с попутчиком.

— Учитель Фан...

Тот отвел руку от фонаря, и в его глазах заплясали искорки смеха:

— Неужто я настолько страшен, что на меня и взглянуть нельзя?

Циньюй мельком глянул на него. Сегодня Фан Вэньли разделся, точно павлин. Красив — слов нет, но от этой красоты в душе становилось беспокойно. Сердце юноши дрогнуло, и он не нашелся, что ответить. Наставник, проявив чуткость, сменил тему:

— Быть может, пришла пора сменить обращение?

Циньюй отвел взгляд. Он откашлялся, пытаясь прогнать внезапную хрипоту, и медленно проговорил:

— Фан Вэньли?

В глазах наставника вспыхнул звездный свет.

— Я здесь, — с улыбкой отозвался он.

<http://bllate.org/book/15858/1443692>